

Научная статья
УДК 130.31
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-1-10-20

Холистический дигнитаризм Гёте против механицистских корней современной душевной пустоты

© Гомбоева Лидия Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры
«Философия, история и культурология»
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В, строение 1
lida67go@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет собой введение в исследование холистического дигнитаризма И. В. Гёте — концепции человеческого достоинства, укорененной в его пантеистическом гилозоизме. Основное внимание уделяется проведенной Гёте критике механицизма за формирование ограниченного способа мировосприятия, за изгнание им из мира и из человека духовного начала, а также позитивной программе его холизма, основанной на гилозоизме и целостном познании. Автор вводит и раскрывает ключевые для гётевской мысли понятия: «живая Природа» как творческое целое, прафеномен как первообраз и метаморфоз как принцип становления. Показано, что из этой онтологии вырастает понимание достоинства не просто как врожденного статуса, но и как пути восхождения, требующего развития всех уровней сознания от чувственного до высшего и практик благоговения, труда и творчества. Работа намечает онто-гносеологические контуры дигнитаризма Гёте, выступая концептуальной основой для дальнейших исследований в области антропологии, этики и социальной философии, в том числе в компаративном ключе (например, с дигнитаризмом Канта).

Ключевые слова: Гёте, достоинство, дигнитаризм, холизм, редукционизм, антропологический кризис, Единое, Природа, прафеномен, метаморфоз, гилозоизм, восточная философия, онтология, созерцание, благоговение, живая точка.

Для цитирования

Гомбоева Л. В. Холистический дигнитаризм Гёте против механицистских корней современной душевной пустоты // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 1. С. 10–20.

*Мы принадлежим к роду,
который стремится из тьмы к свету*

И. В. Гёте

Введение в дигнитаризм. Мировая философская мысль издревле фиксирует устойчивый источник социальных и гуманитарных проблем: невежество, порождающее стяжательство, злонамеренность и другие человеческие пороки. Эта извечная утрата человечеством своей сущностной высоты в наши дни усугубляется

современными технологическими вызовами (например, такими как искусственный интеллект, роботизация), что добавляет людям ощущение экзистенциальной ненужности, и все это может спровоцировать еще большие проблемы для человека и сообществ. Противостоять прозябанию и самодеструкции человечества невозможно без привлечения целостного мировоззрения и духовных практик, освобождающих людей от их пороков и развивающих человеческое достоинство. Такие учения и практики известны человечеству тысячелетиями, но с приходом механистической науки, техники и технологий люди, отказавшись от вневременных ориентиров духовных учений и руководствуясь лишь примитивными потребностями, стали мельче как люди. В XX в. метафизически укорененное понимание достоинства было девальвировано под влиянием позитивизма и материализма. Это привело к долгому затишью в философских исследованиях достоинства. М. Розен писал: «Отсутствие философского интереса к понятию достоинства поражает», а разговоры о нем нередко выглядят как «помпезный фасад, льстящий нашему самолюбию, но не имеющий за собой никакого реального содержания» [13, р. 1, 5].

Ситуация изменилась в последней четверти XX в., когда в западной философии актуализировались соответствующие исследования и сформировалось направление «дигнитаризм» (от лат. *Dignitas* — «достоинство»). Импульсом к его развитию стал спор об онтологической природе достоинства [12, с. 3–4]: неокантианец Дж. Ролз основывался на представлении о врожденном достоинстве как основе справедливости («*A Theory of Justice*», 1971), а бихевиорист Б. Ф. Скиннер («*Beyond Freedom and Dignity*», 1971) осмысливал достоинство лишь как продукт влияния среды.

Актуализирует дискуссии о достоинстве начинающийся (пока лишь в происходящий в некоторой части научного сообщества) переход научной парадигмы от механицизма к холизму. Юная холистическая научная мысль, пропагандируемая, например, В. Гейзенбергом, Э. Шрёдингером, Д. Бом, М. Талбот, Ф. Капра, трансперсональными психологами и многими другими, утверждает Единое как основу всего и предоставляет тем самым основание для нравственности и, значит, для дигнитаризма в отличие от механицизма, представляющего людей как атомизированных, отчужденных и бездушных существ.

В России тема достоинства имеет значимые традиции, особенно в философии девятнадцатого столетия. Например, такие мыслители, как В. Г. Белинский, В. С. Соловьев, писали о необходимости возрождения в народе чувства человеческого достоинства и создания условий для его формирования. Особое значение достоинства личности для государственной стабильности подчеркивал К. С. Аксаков: «Люди, у которых отнято человеческое достоинство, не спасут правительства» [1, с. 74]. А. И. Герцен, яркий гётеанец, показывает фундаментальное значение осознания своего достоинства для нравственности: «Человек, дошедший до сознания своего достоинства, поступает по-человечески потому, что ему так поступать естественнее, легче, свойственнее, приятнее, разумнее... как роза не может иначе пахнуть» [7, с. 94]. Используемые здесь понятия «возрождение», «отнятие»,

«осознание» указывают на видение этими мыслителями онтологичности врожденного достоинства человека.

В современной России дигнитаристские исследования приобретают особую институциональную значимость после включения «достоинства личности» в перечень традиционных духовно-нравственных ценностей¹. И проводить эти исследования рационально не только на базе отечественной мысли.

В данной статье утверждается, что знаменитый поэт, мыслитель, естествоиспытатель, представитель философии жизни И. В. фон Гёте, признавший «смыслом и значением» своих произведений и своей жизни «триумф чисто человеческого» [5, с. 377], обозначил механицистские корни разрушения человеческого в человеке, а также заложил мощную базу для холистического дигнитаризма, созвучную как древней восточной, так и современной научной холистической мысли. И сегодня, может быть, настал тот день, о котором писал этот выдающийся, но не вполне понятый в свое время человек: «Этот одинокий ум будет в тиши и втайне продолжать свою работу, и настанет день, когда обратятся к нему и заинтересуются его взглядами» [5, с. 343].

Основная часть. На рубеже XVIII–XIX веков Иоганн Вольфганг фон Гёте, «величайший немец», по определению Ф. Энгельса, предпринял последовательную критику господствовавшего тогда механицизма, в основе которого лежали идеи Декарта, исходившего из того, что природа «во всем действует сообразно с точными законами механики, кои ей предписал сам Бог» [8, с. 603], и Ньютона, который писал: «Было бы желательно вывести из начал механики и остальные явления природы» [9, с. 3]. Гёте противопоставил декартовско-ньютоновскому взгляду на материальный мир как на лишенный души и духа механизм свою холистическую концепцию, утверждавшую идею живой и пронизанной творящим духом Природы. Например, мыслитель отмечал, размышляя об одном из случаев взаимопомощи среди птиц: «Это то, что я называю божественной вездесущностью. Повсюду сеет господь частицы своей бесконечной любви, дает им прорасти... в животном мы уже видим росток того, что в человеке распускается прекраснейшим цветком» [11, с. 547]. Это утверждение противоречит господствующему тогда, впрочем, и сейчас механицизму.

Признавая себя «одиноким приверженцем гилозоизма» [5, с. 272], Гёте выражал исторический оптимизм, полагая, что господство механицизма, порождающего «желание подчинять себе предметы», продлится «недолго» [4, с. 9] и этот период сменится пониманием и уважением к природе. Поэт верил, что стоит лишь преодолеть «внутренние и внешние затруднения» и человечество вступит в «прекрасное движение к совершенству» [4, с. 9].

Однако история оказалась иной. Период противостояния природе не оказался «недолгим» — он растянулся на столетия и лег в основу всей технократической цивилизации. Мы до сих пор ощущаем себя как бы над природой, в природе не

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.

видим ничего возвышенного, таинственного, божественного. Поэтому и в себе тоже ничего такого не видим. Соответственно актуализирующий достоинство переход к подлинному со-бытию с миром так и не произошёл.

Между тем ещё Гете показал многие корни гуманитарных проблем. В этой статье мы рассмотрим в основном такие корни механицистского происхождения как эмпирического, так и теоретического уровня познания.

На эмпирическом уровне: наблюдение и эксперимент, применённые механически, вырывают факты из живого контекста, давая мертвые, изолированные данные. Ум часто подгоняет разрозненные наблюдения и эксперименты под предвзятую идею, забывая, что «в живой природе ничего не происходит, что не стояло бы в тесной связи с целым» [4, с. 372]. В целом эмпирический уровень, как говорил Ф. Бэкон, «путь муравья», не может нам дать целостную картину.

На теоретическом же уровне Гёте критиковал доминирование аналитического подхода в современной ему науке за фрагментаризм и в конечном счёте изгнание души и духа из картины мира. Об этом он выразился в стихотворной форме: «Иль вот: живой предмет желая изучить, / Чтоб ясное о нем познание получить, — Ученый прежде душу изгоняет, Затем предмет на части расчленяет / И видит их, да жаль: духовная их связь / Тем временем исчезла, унеслась!» [5, с. 384]; также и прозой: «Да и что собственно стоит все общение с природой, если, идя аналитическим путем, мы имеем дело лишь с ее отдельными, материальными частями и не чувствуем веяния того духа, который каждой из этих частей предуказывает ее путь» [5, с. 610].

Такая редуционистская наука, базирующаяся на низших пластах сознания, отказавшаяся от целостного взгляда на мир, согласно высказанному в статье о Гёте яркому замечанию выдающегося физика В. Гейзенберга «рискует попасть в лапы дьявола», а технический прогресс без нравственного фундамента превращается лишь в «отчаянную попытку сделать ад более удобным местом жительства» [2, с. 314].

В научном познании Гёте рекомендует использовать не только факты, но и гипотезы. Пусть «гипотеза будет только вымыслом, но она приносит тем не менее достаточно пользы. Она учит нас видеть отдельные вещи в связи, отдаленные вещи в соседстве. Только таким путем становятся явственными пробелы знания... Но важнее всего то, что гипотеза возвышает душу и возвращает ей эластичность, как бы похищенную у нее отдельными разрозненными данными опыта». Моральные гипотезы, по мнению Гёте, такие как «вера в бога» и «бессмертие души», возвышают человека «над самим собою и ведут его дальше пункта, к которому он пришел бы без этих чувств» [5, с. 64].

Стремясь извлечь феномен природы «из мрачного эмпирико-механико-догматического застенка» [5, с. 22], в котором прозябает наше достоинство, Гёте развивал опирающееся на гипотетическое мышление гилозоистское и холистически-пантеистическое мировоззрение.

Гёте писал: «Природа! Окруженные и охваченные ею, мы не можем ни выйти из нее, ни глубже в нее проникнуть... Она творит вечно новые образы... У каждого

ее создания особенная сущность, у каждого явления отдельное понятие, а все едино...» [4, с. 361].

В природе Гёте видел разумное начало, «которым существует природа и в соответствии с которым она действует» [6, с. 403]. В другом месте он пишет, что в основе его взглядов лежит видение «бога в природе и природы в боге» [5, с. 62]. При этом даже искусство восходит «к тому разумному началу, которым существует природа» [Там же]. «На своем опыте, — пишет И. И. Канаев, — он видел, что корни науки и искусства одни... Гёте считал, что творящий художник является как бы органом самой созидающей природы, в лучших своих произведениях выражающим ее истинную сущность, очищенную от случайных элементов субъективизма и фантазерства автора» [10, с. 462]. Это органичное единство художественного и научного поиска проистекало из его глубинной убежденности в целостности и разумности мироздания.

Из этого органичного единства индивидуального и природного сознания Гёте выводит синтетический метод «от целого к частям» [5, с. 210] и противопоставляемый механицизму метод «созерцательного вглядывания». Последнее не пассивное наблюдение, а активное, почти любовное погружение в мир, основанное на спокойной ясности духа и непредвзятости. «У меня в «Геце» сынок от чрезмерной учености не узнает собственного отца, точно так же некоторые люди науки от чрезмерной учености и обилия гипотез перестают видеть и слышать. Они... до того заняты, что становятся похожи на объятого страстью юношу, который пробегает мимо лучших своих друзей, попросту не заметив их на улице. Между тем для наблюдения природы необходима спокойная ясность духа и полнейшая непредвзятость. Ребенок непременно заметит жука на цветке» [11, с. 464]. Чистый, незагруженный взгляд ребенка позволяет видеть мир лучше и открывать новое. На Востоке это называется «сознанием начинающего». «Все, что мы называем изобретением, открытием в высшем смысле слова, есть существеннейшее деятельное проявление изначального чувства истины... Это — откровение, развивающееся изнутри и направленное вовне, оно дает человеку случай провидеть свою богоподобность. Это — синтез мира и духа, который дает блаженнейшее подтверждение вечной гармонии сущего» [6, с. 263].

Как отмечал В. Гейзенберг, Гёте был убежден, что истина неразрывно связана с благом и единством сущего и что этот триединый принцип «UNUM–VERUM–BONUM» служил древнему человечеству «единственно возможным компасом» [2, с. 314]. Как отмечал И. И. Канаев, главной задачей всех разнообразных научных изысканий Гёте было «постижение Вселенной как единого целого» [10, с. 426]. Центральными для его научного холизма становятся понятия прафеномена — первообраза, формообразующего начала в бесконечном многообразии явлений, и метаморфоза (от греч. «превращение») — изменения формы, строения и функций организма или явления.

Сначала Гёте-ученый обнаружил глубокое единство живого в ботанике, постигая «многообразие бесконечного множества реальных растений... как результат непрерывного метаморфоза — видоизменение единого основного типа»

[4, с. 427] — прафеномена, пра-растения. Далее этот принцип единства Гёте распространил и на зоологию: все органические существа, вплоть до человека, «сформированы по одному прообразу, который в своих весьма постоянных частях лишь более или менее уклоняется то в одну, то в другую сторону и посредством размножения ежедневно продолжает совершенствоваться и преобразовываться» [5, с. 89]. Затем принцип прафеномена и метаморфоза Гёте распространил также на геологию и минералогию. В. Гейзенберг отмечал, что в современной науке роль прафеномена могут играть платоновские идеи, элементарные частицы или структура ДНК — невидимые, но фундаментальные структуры, лежащие в основе мироздания [2, с. 322].

Природа прафеномена практически сразу стала предметом дискуссий. Уже друг Гёте Ф. Шиллер видел в прафеномене идею, например, прарастение — это идея растения. В. Гейзенберг уточнил видение Шиллера: «Идея в смысле Платона» [2, с. 318]. Однако сам Гёте «упорствовал в своем реализме» [6, с. 434], выступая против «расчлененного подхода к природе» [6, с. 433]: «Мы ограничиваем себя... если насильно переносим формообразующий принцип и высшую форму в некую сферу единого, ускользающего от наших внешних чувств и от разума» [6, с. 403]. Для Гёте разделение платоновской «идеи» и эмпирического «феномена» в принципе равносильно ущемлению достоинства и даже разрушению жизни: «Природу и идею нельзя разобщать без того, чтобы не разрушить искусства, равно как и жизни» [6, с. 428].

Гейзенберг пояснил видение поэта: Гёте ощущал, что основополагающие структуры образуют «единую предпосылку» как объективного мира, так и человеческой души. В этом основа холистического дигнитаризма Гёте. Благодаря глубинному единству человеческой души и мира человек может познавать интуитивно и мир, и себя, и различные свои права, свободы и обязанности, может быть, даже и влиять. В зависимости от уровня проникновения в глубины своего сознания и взаимодействия с миром человек может реализовывать свое достоинство.

Сам поэт писал о дополнительности природного и духовного начал: «...кто хочет наибольшего, должен желать целого; кто рассматривает дух, пусть исходит из природы; кто говорит о природе, пусть предполагает дух» [5, с. 276]. И это напоминает буддийское: «Форма есть пустота, пустота есть форма». И смысл этой диалектической формулы состоит в том, чтобы не бросаться в крайности: не преувеличивать роль ни идеального начала, ни материального; не стоит априори игнорировать ни жизнь, ни духовность, следует быть осознанным, т. е. самому в зависимости от ситуации и внутренней потребности определять те или иные приоритеты. «Величайшей заслугой человека остается, конечно, то, — пишет Гёте, — что он как можно больше определяет обстоятельства и как можно меньше дает им определять себя» [5, с. 111], и эти самоопределение и влияние — признаки реализации достоинства личности.

Учение о метаморфозе, рассыпанное по многочисленным работам Гёте, попытаемся здесь сформулировать целостно, в форме принципов, раскрывающих метаморфоз «живой точки» в дигнитаристской перспективе.

Принцип голографического и динамического (изменчивого и взаимозависимого) единства. Или: *принцип прафеномена и метаморфоза.* Каждая часть мироздания содержит в себе образ целого: «Всякое существо есть аналог всего существующего» [5, с. 325]. Все подобно «живой точке, которая вечно производит себе подобные» [5, с. 319]. Даже «дела полипообразны... если их разрезать на сто кусков, то каждый в отдельности снова оживает» [4, с. 461]. В метаморфозе стираются жесткие иерархии: «малое с великим схоже, хоть и разнится на вид» [6, с. 458]. Природа «вечно творит и вечно разрушает» [4, с. 361]. Движущей силой метаморфоза является ритм «разъединения соединенного и соединения разъединенного» [5, с. 139]. В природе «нигде нет ничего устойчивого, ничего покоящегося, законченного; ...все, напротив, скорее зыблется в постоянном движении» [4, с. 12]. Граница между внутренним и внешним также условна: «нет ничего внутри, нет ничего снаружи, ибо внутреннее есть внешнее» [4, с. 418]. Поэтому все сущее пребывает в состоянии взаимного обусловливания: «Все взаимообусловленное, чем мы в состоянии понять» [4, с. 331]. Формы жизни пластичны и формируются средой: «животное формируется обстоятельствами для обстоятельств... орел образуется воздухом для воздуха, горными высями для горных высей» [4, с. 160–161]. Гётеанский дигнитаризм здесь мы видим в неявном наказе не цепляться за изменчивые формы и достигать «подлинного и необходимого самосознания», в котором нет «дерзкой самонадеянности», равнодушия к богу, презрения к миру, враждебности к себе подобным [5, с. 251]. Достоинство здесь, поскольку все едино, мы видим также в триаде благоговений: «благоговейное отношение к тому, что выше нас, к тому, что равно нам, и к тому, что ниже нас... Из этих трех видов благоговения проистекает высшая его форма — благоговейное отношение к самому себе, а из нее, в свою очередь, развиваются все те три его вида, о которых мы говорили. Таким образом, человек достигает высшей точки... и пребывать на этой вершине самосознания, не страшась того, что дерзостная самонадеянность и сомнение его погрузят в повседневную пошлость» [4, с. 250–252]. Принцип динамического единства в этическо-дигнитарном отношении отражается также в двух призывах: 1) «Ищите в самих себе и вы найдете все. Радуйтесь, если там снаружи, — как бы вы это ни называли, — лежит природа, утверждающая и благословляющая все то, что вы нашли в самих себе» [5, с. 341]; 2) «Служите великим целям, служите на благо своего народа! И если уж меня сделали слугой, то в утешение себе скажу: по крайней мере, я служу тому, кто сам слуга общего блага» [11, с. 480].

Принцип непрерывности сознания, таинственности Природы и необходимости веры. Гёте говорит о своей вере в бессмертие своей души: «Я отнюдь не хочу лишать себя счастливой веры в бессмертие, более того, готов вслед за Лоренцо Медичи сказать: всякий, кто не верит в будущую жизнь, мертв и для этой» [11, с. 107]. Непонимание лозунга «Кто жил, в ничто не обратится!» [6, с. 271], согласно Гёте, обрекает человека на несчастливую отчужденную жизнь: «И куда не поймешь: / Смерть — для жизни новой, / Хмурым гостем ты живешь / На земле суровой» [3, с. 19]. Но, будучи «реалистом», советует не «носиться с идеями бессмертия... — это занятие для благородных сословий и особенно для женщин,

которым нечего делать. Но дельный человек, который уже здесь, на земле, хочет быть хорошим работником и поэтому принужден добиваться, бороться, действовать, оставляет будущую жизнь в покое; он деятелен и полезен в этой жизни» [5, с. 454]. А призвание высокодуховных людей, согласно Гёте, состоит в помощи возвышаться обычным людям: «Дух и донныне действует в высоких натурах, дабы возвышать до себя натуры заурядные» [11, с. 628].

Поверить в свое бессмертие и поэтому в свой долг достойного существования у нас нет фактических оснований. Поэтому нам нужна вера во что-то высшее. И это высшее не должно быть отделено от нас, и эта вера не должна быть основана на страхе. Гёте пишет про Природу: «Она вечно говорит с нами, но тайн своих не открывает...» [4, с. 361]. «В природе имеется доступное и недоступное... Тот, кто этого не знает, иногда мучается всю жизнь, стремясь постичь непостижимое, и при этом ничуть не приближается к истине. Тот же, кто это знает, остается в пределах постигаемого; исследуя эту сферу во всех направлениях...» [11, с. 32]. Принцип таинственности Природы — важное основание «оставления места» для веры, для открытости ума. Многие люди во всех случаях ожидают доказательств и, оставаясь закрытым для лучших перспектив, говорят, например: «Докажите мне, что Бог есть, и я буду религиозным человеком». А Гёте нам говорит, что Природе стоит доверять: «Кто ей доверчиво следует, того она прижимает, как любимое дитя, к сердцу... Я доверяю Ей...» [4, с. 363]. Гёте также говорит об огромной ценности веры: «В вере... самое главное, чтобы человек вообще веровал, а во что он верует — это совершенно все равно. Вера есть великое чувство уверенности в настоящем и будущем и эта уверенность возникает от доверия к сверхвеликому, сверхмогущественному и неисповедимому существу. Все зависит от непоколебимости этого доверия; а что мы думаем об этом существе, зависит от наших способностей, даже от обстоятельств, и совершенно безразлично» [5, с. 192].

Принцип игровой и творческой причастности бесконечности. Бытие у Гёте — это не абстрактный ньютоновский механизм, а живая игра, в которой все причастно к бесконечности: «Все органические существования заключаются в бесконечном, но не составляют его частей; они скорее причастны к бесконечности» [4, с. 393]. Человек в этой картине мира становится участником божественной игры. Природа «со всеми дружески ведет... игру Она расчленилась для того, чтобы наслаждаться собою... Она окружает человека мраком и гонит его вечно к свету» [4, с. 362]. Все в мире несет на себе ее печать и обладает достоинством: «Даже в неестественном есть Природа, на самом грубом филистерстве лежит печать ее гения» [Там же]. Однако способность увидеть эту печать и осознанно включиться в игру требует определенного уровня сознания. Филистер, т. е. обыватель, не стремящийся к истине, остается на низшей ступени, где услаждается «одной лишь подозрительностью, осуждением и злословием; тот, кто предается этим чувствам, скоро начинает относиться равнодушно к богу, презрительно к миру, враждебно к себе подобным. Истинное же, подлинное и необходимое самознание скоро вырождается в дерзкую самонадеянность и самопревозношение» [5, с. 251]. «Более менее одаренные люди» способны подняться до более высоких

уровней сознания, и «в человеке может проявиться высшее сознание» [5, с. 164]. Путь к нему — чувство благоговения: «Самопроизвольно благоговение редко или никогда не возникает в человеке; оно является чувством высшего порядка, которое должно быть внушено человеку и которое лишь у особо одаренных людей уже само собою развивается. Таких людей издавна считали святыми и даже богами. В этом заключается достоинство» [5, с. 251]. Через «диалектику сердца» человек может получить доступ к истинам, не доступным «обычным тропам разума, рас-судка и вероучений» [6, с. 426]. Совсем как йог, Гёте утверждает, что причастность к бесконечности дает блаженство: «Повсюду вечность шевелится / Причастный к бытию блажен!» [6, с. 271]. Блаженная причастность к бесконечности должна проявиться в творчестве: «Что пользы тебе от сияющей природы / ...если любвеобильная творческая сила / не наполняет твою душу / и в кончиках твоих пальцев / вновь не становится образующей?» [4, с. 463].

Принцип творческого разнообразия, значимости и возвышения единичного (телеологизм). Согласно Гёте, каждое существо, будучи частью целого, является и целью самого себя. Природа направляет к совершенству все, даже растения [6, с. 459]. Природа при этом бесконечно разнообразит простые начала, возвышая их «в бесконечное и в самое непохожее» [5, с. 124]. Высшая операция мироздания — «оформление», в котором «каждая единица стала, была и осталась чем-либо особенным и значительным» [5, с. 321]. Поскольку «у природы нет ни ядра, ни скорлупы, она — все сразу» [4, с. 535], человеку не нужно искать особых условий, центрального или удобного положения. И вместо архимедова «Дай мне точку опоры — и я переверну мир» Гёте предлагает императив: «Утверждайся — где стоишь» [4, с. 324], что иначе звучит: «Старайтесь всюду приносить пользу — и вы повсюду будете дома!» [6, с. 338]. На Востоке это близко к принципу «быть здесь-и-сейчас».

Таким образом, эти выделенные из холистического учения Гёте принципы метаморфоза и соответствующие им этические наставления можно рассматривать как ценную концептуальную основу для развития достоинства. Открывая вместе с холизмом Гёте в себе ту самую «живую точку», человек может обрести ту вершину самосознания, где каждое мгновение жизни наполняется блаженством и смыслом со-участия в вечном метаморфозе себя и мира.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что наследие И. В. Гёте формирует глубокий фундамент для холистического понимания и развития человеческого достоинства. Исторический оптимизм поэта, верившего в скорый переход от механицистского господства над природой к диалогу с ней, пока не оправдался. Однако именно сегодня, в условиях технократического и экзистенциального кризиса, его учение обретает новую актуальность.

Значимость концепции Гёте заключается:

— во-первых, в последовательной критике механицизма, который, атомизируя мир и изгоняя из него дух, подрывает основы человеческого достоинства, оставляя человека в состоянии отчуждения и «душевной пустоты»;

- во-вторых, в актуализированной им позитивной и синтетической альтернативе — гилозоистском и холистическом мировоззрении, утверждающем живую, одухотворенную Природу как единое развивающееся целое; а также в этике, основанной на принципах самопознания, благоговения перед жизнью, служения и творческой причастности к бесконечному метаморфозу бытия;
- в-третьих, в синтетическом подходе Гёте, сближающем науку, искусство и этику через «созерцательное вглядывание», указывающем путь к преодолению фрагментарности современного сознания, к достижению и реализации блаженства высших уровней сознания.

Литература

1. Аксаков К. С. Записка К. С. Аксакова «О внутреннем состоянии России», представленная императору Александру II в 1855 г. // Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы : хрестоматия. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2012. 896 с. С. 54–77.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. Москва : Прогресс, 1987. 368 с.
3. Гёте И. В. Западно-восточный диван. Москва: Наука, 1988. 896 с.
4. Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. Ленинград : Изд-во АН СССР, 1957. 556 с.
5. Гёте И. В. Избранные философские произведения. Москва : Наука, 1964. 520 с.
6. Гёте И. В. Сочинения : в 10 томах. Москва : Художественная литература. Т. 1. 1975. 528 с.; Т. 8. 1979. 462 с.; Т. 9. 1980. 495 с.; Т. 10. 1980. 510 с.
7. Герцен А. И. С того берега // Герцен А. И. Собрание сочинений : в 30 томах. Москва, 1954. Т. 3. 464 с. Текст: непосредственный.
8. Декарт Р. Сочинения : в 2 томах. Москва : Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
9. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Москва : Наука, 1989. 690 с.
10. Канаев И. И. Гёте-натуралист // Гёте И. В. Избранные философские произведения. Москва : Наука, 1964. С. 418–463.
11. Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. Москва : Худож. лит., 1986. 669 с.
12. Colin B. *Human Dignity and Political Criticism*. Cambridge University Press, 2021, 276 p.
13. Rosen M. *Dignity: Its History and Meaning*. Harvard University Press, 2012, 176 p.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026; одобрена после рецензирования 28.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

Gotthe's Holistic Dignitarianism versus the Mechanistic Roots of Modern Spiritual Emptiness

Lidiya V. Gomboeva

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof. at Philosophy, History, and Cultural Studies Department,
East-Siberian State University of Technology and Management
40V/1 Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russia
lida67go@yandex.ru

Abstract. The article introduces the study of J. W. Goethe's holistic dignitarianism — a concept of human dignity rooted in his pantheistic hylozoism. It focuses on Goethe's critique of the methodological and ideological foundations of mechanism, which, in his view, reduces the integrity of nature and expels the spirituality from the world and from humanity, leading to an anthropological crisis and "spiritual emptiness", and considers the positive program of Goethe's holism based on hylozoism, contemplative knowledge, intuitive comprehension of the primordial phenomenon, and recognition of metamorphosis as a universal law of life. This forms the ontological foundation for human dignity as an active and creative participant in a living, developing whole. We have introduced and revealed the key concepts in Goethe's thought: "living nature" as a creative whole, primordial phenomenon as a prototype, and metamorphosis as a principle of becoming. It is shown that this ontology yields an understanding of dignity not simply as an innate status, but as a path of ascent requiring hypothetical thinking, contemplative cognition, and the practice of reverence, as well as labour, and creativity. The article outlines the onto-epistemological contours of Goethe's dignitarianism, serving as a conceptual foundation for further research in anthropology, ethics, and social philosophy, including comparative studies (for example, of Kant's dignitarianism). *Keywords:* Goethe, dignity, dignitarianism, holism, reductionism, anthropological crisis, the One, Nature, primordial phenomenon, metamorphosis, hylozoism, Eastern philosophy, ontology, contemplation, reverence, living point.

For citation

Gomboeva L. V. Goethe's holistic dignitarianism versus the mechanistic roots of modern spiritual emptiness. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2025; 4: 10–20 (In Russ.).

The article was submitted 13.01.2026; approved after reviewing 28.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.